

- ник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2005. – № 1 (7). – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 25–38.
4. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
 5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 5–12.
 6. Лукашевич Е. В. Лингвистический эксперимент как способ диагностики эмоциональной напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сб.ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.; Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2004. – С. 129–137.
 7. РАС – Русский ассоциативный словарь. – В 2 т. – Т. 1. / Ю.Н. Караулов и др. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – 784 с.
 8. www.bonsk.ru/articles.php?cat_id=31&id=224
 9. www.ruscorpora.ru

Е.М. Масленникова

ЯДЕРНЫЕ КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ: К ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ СПИСКА КОНЦЕПТОВ

Языковая картина мира находит свое отражение в менталитете лингвокультурной языковой общности, поэтому речь может идти о этноспецифическом мировидении.

Приобщение к «чужой» культуре идет через текст, в котором находят отражение конструируемые смыслы, характерные для соответствующей лингвокультуры. Взаимодействие в паре «язык ↔ культура» носит этнически обусловленный характер. Необходимо принимать во внимание возможность сближения текстов в одном культурном пространстве. Тексты несут и хранят культурно значимые смыслы, которые, в свою очередь, имеют этнокультурную специфику. Внутри культурного пространства как смыслового универсума или семиосферы (термин Ю.М. Лотмана) поддерживается постоянная функциональная зависимость культурных смыслов.

Межкультурная коммуникация предполагает наряду с наличием у коммуникантов определенной модели коммуникации также возможности анализировать структуру коммуникативной ситуации и соотносить ее с действующими в социуме нормами, ценностями, установками и т.п. Коммуникативное взаимодействие предполагает разделение и принятие коммуникантами «на себя» общей системы норм, ценностей и установок.

А. Вежбицкая [6] считает, что ядерные ценности культуры сосредоточены в ее ключевых словах, а словарный состав, таким образом, в целом становится ключом к этносоциологии и психологии культуры: «некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культур» [Ор. cit.: 37]. Наличие набора ключевых слов позволяет говорить о системе культурных ценностей, а также о при-

нятых и разделяемых в социуме культурно-обусловленных моделях поведения. Подобная позиция позволяет А. Вежбицкой [Ор. cit.] выстраивать модели ДРУЖБА для русской, польской, английской и австралийской культур через призму слов *friend / друг, friendship / дружба, подруга, приятель, товарищ, родные, przyjaciel, kolega, znajomy, mate* и др. Набор ключевых слов культуры формирует и очерчивает границы того, что в работах Ю.М. Лотмана получило название «концептосфера».

Если коммуникация изначально детерминируется национально-культурной спецификой, то в случае двуязычной коммуникации необходимо говорить об определяющей роли культурно-языковой компетенции. В качестве одной из предпосылок успешной коммуникации М.Б. Бергельсон [4] называет совокупность различных типов экстралингвистических знаний, формирующих прагматический компонент коммуникативной компетенции.

В работе [12] обсуждались когнитивно-дискурсивные особенности межкультурной коммуникации. Одной из актуальных проблем была и остается проблема описания и исчисления функционирующих в культуре концептов. Исследования подобной направленности способствуют определению значимости и/или ценности того или иного концепта относительно других концептов, функционирующих в одной культуре. Межконцептуальные связи, реализующиеся внутри одной культуры, образуют то, что, на наш взгляд, может быть названо концептуальной «решеткой» культуры. С другой стороны, подобным образом могут быть установлены межконцептуальные связи для нескольких культур.

Термин «концепт» широко употребляется в современной научной литературе. К нему обращаются исследователи, работающие в таких областях, как семантика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология. Значительный вклад в исследование лингвокультурных концептов внесли А.П. Бабушкин, В.И. Карасик, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин. Отметим работы Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, А.А. Залевской, В.В. Колесова, Е.С. Кубряковой, Р.М. Фрумкиной, в которых обсуждается различное понимание и трактовка термина «концепт», связи концепта и значения слова. Оставляя за рамками данной статьи обсуждение природы и онтологического статуса концепта, обратимся к объективации ядерных концептов культуры, наблюдаемых в разных типах дискурса.

Как отмечает А.А. Залевская [7], несмотря на повышенный интерес к понятиям «концепт» и «концептосфера», еще не сформирован единый подход к данным категориям.

Разнообразные концепты изучаются на основе разных типов дискурса: религиозного дискурса (Библия и т.п.), фольклорного дискурса (народные и авторские сказки, эпос), пословично-поговорочного дискурса, политического дискурса, тоталитарного дискурса, научного дискурса, бытийного дискурса, а также художественных текстов и материалов Интер-

нет–сообщества и Интернет-форумов. Большинство исследователей выбирает какой-либо концепт в качестве фрагмента языковой картины мира, выделяют слои в содержании концепта и рассматривает особенности его репрезентации на материале одного или нескольких типов дискурса, одного языка, пары и более языков, одного художественного произведения.

В отличие от А. Вежбицкой [6], которая относит культурно-специфический концепт FREEDOM к ключевым концептам англоязычного сознания и говорит о этноспецифическом уровне его репрезентации, работа [16] сосредоточена на гендерном и индивидуально-авторском уровнях репрезентации этого концепта. Отметим, что при подобном подходе рассмотрение индивидуально-авторский репрезентации концепта тесно соотносится с существующим понятием идиостиля.

Выделение этимологического, образного, понятийного, ассоциативно-го и оценочного слоев в содержании концептов ЗИМА и ВЕСНА позволило установить, что наиболее ярко национально-культурная специфика выражена в ассоциативных и оценочных компонентах [15]. Как показали результаты проведенного автором направленного ассоциативного эксперимента, у русскоязычных испытуемых преобладают положительные реакции на стимул ЗИМА, а реакции носителей английского языка на стимул WINTER имеют отрицательные коннотации и, наоборот, стимул ВЕСНА вызвал отрицательные характеристики, а SPRING оценивается положительно [Op. cit.]. Подобная национально-культурная специфика восприятия времен года четко прослеживается в переводах с английского языка на русский. Слово *April* (*апрель*) встречается в сонетах Вильяма Шекспира четыре раза в связи со смыслами *молодость, память о молодости и весна как начало и расцвет жизни в природе*, определяя одновременно художественное время, пространство и состояние. Воспроизведение подобных маркеров связано с национально-культурной спецификой: в России весна вступает в свои права в мае, о котором действительно можно сказать, что этот месяц *proud-pied* и *dress'd in all his trim*, поэтому *апрель* становится в переводах *маем* (ср. приводимые ниже примеры). Перевод Ф. Червинского подтверждает выводы Т.В. Салашник о более образном восприятии времен года русскими, так как в нем нашли место ассоциации, отражающие эмоционально-оценочную характеристику месяца.

2. *When proud-pied April, dress'd in all his trim,*
3. *Hath put a spirit of youth in every thing...*

В. Шекспир. Сонет 98

2. *В своем цветном плаще апрель веселый.*

3. *Вдохнуть во все он молодость сумел...*

(Перевод С. Ильина)

2. *В одежде праздничной, увенчанный цветами,*

3. *Волшебник май летел над влажными лугами...*

(Перевод Ф. Червинского)

Р.М. Скорнякова [17] исследует концепт ТРУД в таких типах дискурса, как религиозный дискурс (Библия), фольклорный дискурс (русские и немецкие сказки), пословично-поговорочный дискурс, тоталитарный дискурс, а также описывает отношение к труду в Интернет–среде. Подобный подробный анализ позволил Р.М. Скорняковой прийти к выводу о том, что концепт ТРУД вербализуется в разных типах дискурса системой определенных лексических единиц, которые, в свою очередь, отражают национально-культурное своеобразие интерпретации членами русского и немецкого этносов фрагмента объективной действительности. Например, исследовательница отмечает, что в православии, католицизме и протестантизме «общее во взглядах заключается в том, что труд трактуется как путь спасения человека, т.е. устанавливается связь между земной активностью, человеческим трудом и спасением души. Различие состоит в том, что католическая церковь таким образом пытается примирить работодателей и трудящихся, создать гармонию в обществе, а протестантская конфессия видит в труде по призванию средство духовного совершенствования. В православной вере труд является безусловной добродетелью, посредством которой человек подтверждает свою веру в Бога и служит ближним» [Op. cit.: 223]. Концепт ТРУД также явился темой работы [3], в которой представлена разработанная на материале английской художественной литературы классификация концептуальных признаков: онтологических, аксиологических и социальных.

Такие основные концепты христианской концептосферы, как БОГ, ХРАМ, КРЕЩЕНИЕ, ВЕНЧАНИЕ активно вербализуются в русской народной сказке как особом фольклорном жанре [2]. Ведущими для башкирского эпоса будут такие концепты, как ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, ДУША, СЕРДЦЕ, КРОВЬ, ДОБРО, ЗЛО, которые отражают глубинные слои культурного пространства и формируют мифопоэтическую модель мира текста [5].

Анализ концептов часто проводится на материале художественных текстов. Так, концепт ЛЮБОВЬ, являющийся одним из ключевых для русской культуры, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» включен в оппозиции *любовь – бедность*, *любовь – жертва*, *любовь – долг*, которые во многом отражают особенности сознания носителя русского языка [11].

Часть концептов имеет идеологическую окрашенность и специфические средства их вербализации в той или иной лингвокультуре. Современный англоязычный политический дискурс отличается тенденцией к метафорическому представлению концептов ВОЙНА и ТЕРРОРИЗМ [13].

В немецкой лингвокультуре сложившийся позитивно-маркированный концепт TOLERANZ имеет свои национально-специфические особенности [18], но для русскоязычного социума данный концепт только получил свое развитие, а в российском обществе еще отсутствует сама конкретная парадигма объектов толерантности [1].

Отдельные концепты отличаются динамическим характером и могут

быть переосмыслены со временем. В настоящий момент позитивное восприятие концепта ПАТРИОТИЗМ в немецкоязычном обыденном и политическом типах дискурса связано с изменившимся пониманием современными немцами своей страны и ее истории, что также привело к переосмыслению понятий *родина* и *нация* [20].

С точки зрения В.Г. Кузнецова [10] особую группу концептов, названную им социально значимыми, образуют «явления, реалии, понятия, преобладающие в определенный период времени в сознании социума» [Op. cit.: 39], т.е. ключевые слова культуры в терминологии А. Вежбицкой. Как социально-значимые В.Г. Кузнецов описывает концепты ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТРУД, КОРРУПЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ, ТЕРРОРИЗМ, ПАТРИОТИЗМ, ОЛИГАРХ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА, ЧЕСТЬ и средства их вербализации в русском и французском языках. На наш взгляд, не всегда можно говорить о близости в национально-культурном содержании подобных или схожих концептов.

«Из Америки распространилось по миру и пришло к нам понятие privacy. Смысл – частная жизнь, на которую никто не может покуситься. Нельзя просто уставиться в чье-то лицо – это рассматривается как покушение на личное пространство. Privacy – часть демократии. (КП 26.11.02). Ср.: Это – гигант мысли, отец русской демократии и особа, приближенная к императору (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Гл. XIV) → Сбылась мечта либералов и демократов: террором наконец-то занялись национал-патриоты». (КП 28.06.05)

Несмотря на наличие в английском языке слова *oligarch*, передача с его помощью русского понятия ОЛИГАРХ невозможна и недопустима; необходимо выбрать сферу деятельности олигарха, в зависимости от которой он будет: *TV anchor; timber baron; industry kingpin; media magnate; show-biz/ advertising/ soft-ware mogul; industrial titan; soft-ware/ industrial tycoon*.

«Even worse, the Yukos investigation raised the possibility that Moscow would go after other Russian tycoons, the so-called oligarchs, who benefited from Russia's privatization program. That could encourage capital flight if it reversed the process of how companies went public». (Wall Street Journal. 21.07.03)

Маркированность социально значимых концептов не всегда оказывается равномерной не только в оппозиции синхрония ↔ диахрония, но и для разных представителей одного и того же социума. Кроме этого, подобная «широкая» трактовка социально значимых концептов является в значительной степени недостаточно четкой, так как в данную группу попадает то, что традиционно именуется реалиями, безэквивалентной лексикой и лакунами.

Национально-культурная семантика фразеологизмов отражает ключевые ментальные концепты и их оппозиции, характерные для русской лингвокультуры и русской фразеологической модели мира: ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ, МИР / ВОЙНА, УМ / СЕРДЦЕ, ДОБРО / ЗЛО, ПРАВДА / ЛОЖЬ, ЛЮБОВЬ / НЕНАВИСТЬ, СИЛА / БЕССТРАШИЕ, ТРУД / БЕЗДЕЛЬЕ, СУДЬ-

БА, ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, СОВЕСТЬ, ДУША, ВОЛЯ [9].

Сопоставление русских и немецких словосочетаний позволило установить сходства и различия концептосфер двух языков, касающихся поведения человека, социального положения, оценки человека, эмоциональной и речевой деятельности, оценки явлений и ситуаций [8]. Так, в концептуальной группе «эмоциональное состояние человека» «эмоции печали, неприятного чувства не получили выражение во фразеологизмах немецкого языка, а чувства удовлетворения, разочарования не выражены фразеологизмами русского языка» [Op. cit.: 164].

Базовыми концептами русского романа как особого жанра и комбинированной музыкально-поэтической формы, относящегося к текстам массовой культуры, являются концепты ВСТРЕЧА, РАЗЛУКА, СУДЬБА, ПАМЯТЬ, СЕРДЦЕ [19].

Обращение к Интернет-форумам позволило выделить следующие основные и наиболее актуальные для русской национальной концептосферы этические концепты: БЛАГО, ДОБРО / ЗЛО, СОВЕСТЬ, СТЫД, ПОЗОР, ВИНА, ОШИБКА, ГРЕХ / ДОБРОДЕТЕЛЬ, СВОБОДА / ВОЛЯ, ПРАВО, БОГ, ИДЕАЛ, СУДЬБА, СЧАСТЬЕ, ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ [14].

Перспективы дальнейших исследования видятся нам в следующих направлениях. Необходимо составить своего рода «списки» культурно-специфических концептов типа FREEDOM, ВОЛЯ и др., имеющих этноспецифический уровень репрезентации, и национально-специфических концептов, а также средств их языковой вербализации, что позволит проследить модификацию и/или приращение характеристик к концептам, формирующим разные концептосферы. Необходимо стремиться к синтезу и упорядочению лингвистических и междисциплинарных данных и синтезу полученных научных результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболин Б.И. Концепт ТОЛЕРАНТНОСТЬ в когнитивно-дискурсивном аспекте: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.
2. Алещенко Е.И. Концептоорганизующая конфессиональная лексика русской народной сказки // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 3. – С. 26–32.
3. Банкова Л.Л. Концептуальные признаки труда (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 41–45.
4. Бергельсон М.Б. Прагматические факторы в межкультурной коммуникации // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: Мат-лы междунаrodn. конф., посвященной 60-летию факультета иностранных языков, 5–6 октября 2006 г. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. – С. 36–55.
5. Бухарова Г.Х. Концепт фольклорно-речевого дискурса УРАЛ-БАТОР и его концептосфера // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 50–63.
6. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
8. Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 184 с.
9. Крапотина Т.Г. Русская фразеологическая модель мира (ключевые концепты) // Образ России: извне и изнутри. – Калуга: Изд-во «Эйдос» (ИП Кошелев А.В.), 2008. – С. 137–146
10. Кузнецов В.Г. Социально значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 38–45.
11. Ланская О.В. Концепт ЛЮБОВЬ в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 74–77.
12. Масленикова Е.М. Когнитивно-дискурсивный характер межкультурной коммуникации: вводные замечания // Вестник Тверского государственного университета. – 2009. – № 7. – Сер. «Филология». – Вып. 1 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 41–48.
13. Рожкова О.Е. Метафорическое представление концептов ВОЙНА и ТЕРРОРИЗМ в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 72–74.
14. Романова Т.В. Содержание и экспликация традиционных национальных концептов в языке молодежи // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №1. – С. 43–52.
15. Салашник Т.В. Концепты ЗИМА и ВЕСНА в национальном сознании носителей русского и английского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 2. – С. 35–40.
16. Серова И.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 1. – С. 15–22.
17. Скорнякова Р.М. Принципы моделирования языковой картины мира. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. – 400 с.
18. Тахтарова С.С. Концепт TOLERANZ в немецкой лингвокультуре // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 64–71.
19. Харченко В.К., Хорошко Е.Ю. Язык и жанр русского романа: Монография. – М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2005. – 167 с.
20. Янова О.Б. Динамика концепта ПАТРИОТИЗМ в немецкой лингвокультуре // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: Мат-лы международн. конф., посвященной 60-летию юбилею факультета иностранных языков, 5–6 октября 2006 г. – Красноярск: Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. – С. 386–393.

С.И. Меньшикова

КОНЦЕПТЫ «ДОБРО» И «ЗЛО» В СТРУКТУРЕ МЕТАКОНЦЕПТА «НРАВСТВЕННОСТЬ»

Известно, что исследование концепта как многомерного явления в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистического знания не исчерпывается только теми направлениями и школами (Воронежская – З.Д.